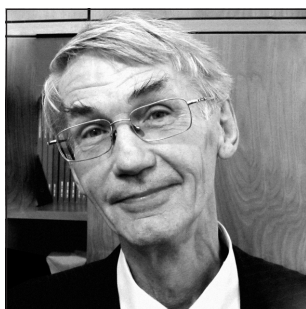

Чувственно-вербальное построение предметного мира

А.Л. НИКИФОРОВ

В статье рассматривается вопрос о природе объектов чувственно воспринимаемого мира. Показано, что с помощью органов чувств человек интерпретирует внешние воздействия в виде ощущений и восприятий. На эту интерпретацию налагается еще одна интерпретация, осуществляемая посредством языка. Смысл языковых выражений, соединяясь с чувственным восприятием, конструирует объекты внешнего мира. Таким образом, эти объекты представляют собой интерпретацию человеком внешних воздействий.

Ключевые слова: чувственное восприятие, язык, интерпретация, знание, смысл.

1. Мир, в котором мы живем

Окружающий нас мир наполнен предметами: вот расцвел куст шиповника, бабочка пролетела, назойливо пищат комары, идут по дороге какие-то люди – все это предметы. Наш язык способен превращать в предметы даже такие вещи, как удар грома, любовь или улыбка Джоконды. Когда мы о чем-то говорим, мы превращаем это нечто в

предмет. «Мы окружены предметами, – пишет по этому поводу английский психолог Р. Грегори. – Всю жизнь мы опознаем, классифицируем, оцениваем и используем предметы. Почти все, что мы ценим, чем любимся, чего пугаемся, по чему скучаем, – предметы. Мы привыкли к тому, что предметы (объекты) видны повсюду, и поэтому, наверное, трудно представить себе, что способность нашего зрения видеть предметы все еще загадочна. Тем не менее это так»¹.

Еще более загадочным представляется тот факт, что окружающие нас предметы осмысленны. Ударившись о край стола, я вовсе не гадаю о том, что это такое острое вонзилось в мой бок, а сразу понимаю, что это стол, за которым сидят, работают, на котором лежат бумаги и книги. Глядя в окно на вереницу каких-то странных черных, красных, желтых предметов, в большей или меньшей степени припорошенных снегом, я понимаю, что это – стоящие во дворе автомобили.

Мы живем в мире, наполненном осмысленными предметами. Этот факт настолько для нас привычен, что мы почти никогда над ним не задумываемся. Каждый из нас с детства входит в этот мир осмысленных предметов, постепенно открывает их свойства, учится узнавать их и действовать с ними. В нас естественно укрепляется убеждение в том, что этот мир существует сам по себе, независимо от нас. Конечно, ведь мы вошли в этот мир, когда он уже существовал! Умерли наши родители, скоро и мы покинем этот мир, но в нем останутся жить наши дети и внуки. Даже если однажды исчезнут все люди с лица Земли, этот мир сохранится, и все так же осенью будут опадать с кленов разноцветные резные листья, расцветать весной цветы, наполняя воздух своим ароматом, заливаясь соловьи в березовых рощах. Все уже было, есть и будет, а мы, приходя в этот мир, лишь даем имена, названия деревьям, цветам, рекам: «И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (Бытие, 1, 2, 20).

Но так ли это? Обыденный здравый смысл принимает вещи такими, каковы они есть: вот стоит будильник, тикает, стрелки движутся, показывают время. Взрослый человек обычно не задумывается над тем, почему часы ведут себя подобным образом, даже если и не знает этого. Лишь ребенок разламывает будильник, чтобы узнать, что у него внутри, что там тикает и почему стрелки движутся. Философ похож на

¹ Грегори Р. Разумный глаз. М., 1972. С. 9.

этого ребенка, он тоже пытается «разломать» окружающие вещи, чтобы понять, из чего и как они устроены. Мы знаем, что, скажем, Демокрит высказал мысль о том, что все окружающие нас вещи состоят из мельчайших неделимых частиц – атомов, а Аристотель признавал существование четырех стихий-начал, из смеси которых состоят все тела, – земли, воды, воздуха и огня. Философов Нового времени также занимал этот вопрос. На него отвечали и Дж. Локк, и Дж. Беркли, и И. Кант. По-видимому, онтологический вопрос принадлежит к «вечным» вопросам философии. Каждое новое поколение философов пытается с помощью новых средств «разломать» любимую свою игрушку – окружающий мир.

2. Анализ Маха

Конечно, не только философы, создатели мифов и богословы пытаются понять, что собой представляет мир и как устроены вещи, среди которых мы живем. Главный вклад в познание мира в последние столетия вносят наука и ученые. В конце XIX в. этим вопросом заинтересовался крупный австрийский физик Эрнст Мах, который начинает свои рассуждения приблизительно с той же картины, что выше рисовал Грегори: «Я нахожу **себя** в пространстве, окруженным различными телами, способными двигаться в этом пространстве. Тела эти суть: “безжизненные” тела, растения, животные, люди. Мое **тело**, тоже способное двигаться в пространстве, является для меня в такой же мере видимым, осязаемым, вообще чувственным объектом, занимающим часть чувственного пространства, находящимся **вне** остальных тел и **рядом** с ними, как сами эти тела»². По-видимому, каждый из нас приблизительно теми же словами опишет мир, центром которого он себя чувствует, в котором он живет и действует.

Как и многие до него, Мах пытается понять, что же представляют собой окружающие его тела, как они «устроены»? «Назовем покуда, – продолжает он, – совокупность всего существующего непосредственно в пространстве для **всех** именем **физического** и непосредственно данное только **одному**, а для всех других существующее только как результат умозаключений по аналогии – именем **психического**»³. Мах

² Мах Э. Познание и заблуждение. М., 2003. С. 39.

³ Там же. С. 39–40.

начинает с разделения всех вещей и явлений на два класса: то, что существует для всех (или признается существующим всеми), есть физическое; то, что существует только для одного человека, для меня, есть психическое. Сейчас вместо слова «физическое» сказали бы «интерсубъективное» или даже «объективное», а вместо слова «психическое» употребили бы более широкий термин – «субъективное». Однако суть дела от этого не меняется. Дома, автомобили, деревья или звезды существуют для всех, они будут физическими телами. Моя радость или моя боль, мои мечты и надежды существуют только для меня, другие люди могут даже не догадываться об их существовании, это будут психические, субъективные явления.

Далее Мах обращается к анализу «физического»: «Все **физическое**, находимое мною, я могу разложить на **элементы, в настоящее время** дальнейшим образом неразложимые: цвета, тоны, давления, теплоту, запахи, пространства, времена и т.п. Эти элементы оказываются в зависимости от условий, лежащих вне и внутри U [тела]. Постольку, и только постольку, поскольку эти элементы зависят от условий, лежащих внутри U, мы называем их также **ощущениями**»⁴. Мах оставляет в стороне эмоции, переживания, мечты как принадлежащие только одному лишь субъекту и рассматривает те объекты, которые существуют для всех людей. Эти объекты он разлагает на элементы – его знаменитые «элементы мира» – и старается понять, что они собой представляют. Чем являются выделяемые нами стороны или свойства вещей – их теплота, запах, форма, цвет, тяжесть и т.п.? Понять это – значит понять, что такое вещь, ибо вещь складывается из этих сторон и свойств.

Кажется, Мах движется здесь в русле эмпиристской традиции Локка, Беркли, Юма. Джон Локк рассуждал очень похожим образом: «Все, что ум воспринимает в себе, – писал он, – и что есть непосредственный объект восприятия, мышления или понимания, я называю идеею; силу, вызывающую в нашем уме какую-нибудь идею, я называю *качеством* предмета, которому эта сила присуща. Так, снежный ком способен породить в нас *идеи белого, холодного и круглого*. Поэтому силы, вызывающие эти идеи в нас, поскольку они находятся в снежном коме, я называю *качествами*, а поскольку они суть ощущения, или восприятия, в наших умах, я называю их *идеями*. Если я говорю об идеях, как бы находящихся в самих вещах, это следует понимать таким образом, что под ними име-

⁴ Мах Э. Указ. соч. С. 42.

ются в виду те качества в предметах, которые вызывают в нас идеи»⁵. Однако можно заметить одно существенное отличие Маха от Локка.

У Локка качества вещей, порождающие в нас идеи (или ощущения), оторваны от идей, они лишь возбуждают в нас идеи, но что они представляют сами по себе, сказать трудно. Поэтому Локк часто отождествляет качества вещей с возбуждаемыми ими идеями, т.е. с ощущениями. С точки зрения Маха, такое отождествление сделало бы чувственные качества вещей чем-то «психическим», т.е. приравнило бы их к эмоциям и грезам. Он же истолковывает свои «элементы» – и это принципиально важный момент – как нерасторжимое единство внешнего и внутреннего. Внешнее – то, что обусловлено окружающим миром, внутреннее – зависит от работы наших органов чувств и, вероятно, от мышления. За неимением более подходящего термина Мах называет свои элементы «ощущениями». Однако всегда следует помнить о том, что элементы Маха не принадлежат всецело психике субъекта, они есть соединение сознания с внешним миром, представляют собой сплав субъективного с объективным. В каждом элементе одновременно присутствуют и субъект, и внешний мир. Поскольку органы чувств у всех людей устроены и действуют одинаково, поскольку внешний мир воздействует на органы чувств разных людей тоже одинаково, постольку элементы мира оказываются общим достоянием всех.

3. Небольшое уточнение

Итак, элементы Маха представляют собой сплав внешнего и внутреннего, объективного и субъективного. Он говорит о том, что в «настоящее время», т.е. в конце XIX в., эти элементы представляются неразложимыми. По-видимому, теперь мы можем попытаться расщепить их и более точно сказать, что собой представляют их внешняя и внутренняя стороны.

Внешнюю сторону мы можем истолковать как воздействие на нас окружающей среды. По-видимому, внешний мир воздействует на человека множеством разных способов: потоки света и электромагнитные волны, звуки и тяготение, тепловые и химические воздействия, давление и космическое излучение – все это со всех сторон изливается на тело чело-

⁵ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Соч. В 3 т. Т. 1. М., 1985. С. 183–184.

века. Далеко не все воздействия осознаются и фиксируются нами: для одних у нас нет воспринимающих органов, скажем, в отличие от летучей мыши мы не воспринимаем ультразвук, другие должны обладать определенной интенсивностью, чтобы преодолеть пороги восприятия. «В сущности, нашим органам чувств, – замечает Грегори, – предметы доступны лишь в очень малой степени. Ведь *ощущаются не предметы как таковые*, а мимолетные зрительные формы, дуновения запахов, разобщенные тактильные формы, возникающие при легком контакте объекта с кожей руки, а иногда – болевые уколы, составляющие при слишком тесном соприкосновении с предметом вещественный след – царапину. Нашим ощущениям непосредственно доступна лишь малая часть важных свойств объектов (курсив мой. – А.Н.)»⁶.

Здесь высказана чрезвычайно важная мысль: «ощущаются не предметы как таковые», ощущаются воздействия внешнего мира на нашу чувственность. Обычно мы исходим из убеждения в том, что вне нас существуют предметы с присущими им свойствами и эти предметы оказывают на нас воздействие. Но это убеждение если и не ошибочно, то, во всяком случае, сомнительно. С уверенностью мы можем сказать лишь одно: внешний мир оказывает на нас воздействия, но что стоит за этими воздействиями – предметы, явления, события или что-то еще – об этом мы пока говорить не можем, тем более что многих воздействий мы просто не воспринимаем.

Некоторые из внешних воздействий фиксируются нашими органами чувств и осознаются в виде ощущений и восприятий. Но что такое ощущение? Как оно возникает? «Даже при весьма беглом знакомстве с работой нашей когнитивной системы, – писал наш известный философ И.П. Меркулов, – обеспечивающей генерацию восприятий, становится понятно, что возникающие внутренние репрезентации объектов и событий внешнего мира, перцептивные образы (“иконы”), конечно же, не идентичны и даже *не изоморфны* физическим свойствам этого мира»⁷. Почему «не идентичны и даже не изоморфны»? Это становится ясно, если мы проследим путь превращения внешнего воздействия на воспринимающий орган в ощущение: «Как только фотон света попадает на клетку сетчатки глаза, происходит немедленное превращение этого стимула (которое требует участия миллионов мо-

⁶ Грегори Р. Указ. соч. С. 9.

⁷ Меркулов И.П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). СПб., 2006. Т. 2. С. 129.

лекул различных белков и ферментов) в изменение ее электрического потенциала, т.е. в электрический сигнал. Затем продуцируемые колбочковидными и конусовидными клетками электрические сигналы начинают свой путь в мозг через зрительный нерв и достигают главной ретрансляционной станции, расположенной в таламусе. После этого они транслируются в соответствующую область первичной зрительной зоны коры головного мозга, а оттуда, развертываясь веером, поступают в «более высокие» области коры, где происходит переработка информации о таких характеристиках объектов, как их цвет, форма или движение»⁸. Но это, конечно, не характеристики самих объектов, ведь мы имеем дело не объектами, а с фотонами света. У нас пока нет объектов, есть лишь те или иные воздействия на нас внешнего мира. И мы видим, что эти воздействия наши органы чувств превращают в нейрофизиологические процессы, не имеющие ничего общего с самими этими воздействиями.

Так что же представляют собой наши перцептивные образы? Возможно, их следует трактовать как интерпретации: ощущение есть интерпретация внешних воздействий на орган чувств. Здесь слово «интерпретация» мы можем использовать в его точном логическом смысле: интерпретация есть придание значения символам, значкам формальной системы. Скажем, набор знаков «А&В» есть просто набор графически различных символов. Мы можем интерпретировать (истолковать) значки «А» и «В» как высказывания «Снег бел» и «Уголь черен», а значок «&» – как формальное представление союза «и». Тогда наш набор значков интерпретируется как сложное высказывание «Снег бел и уголь черен». Точно так же наши органы чувств интерпретируют внешние воздействия, соотнося им ощущения и восприятия. И как высказывание «Снег бел» не имеет ничего общего с буквой «А», так и ощущения цвета, запаха, вкуса не имеют ничего общего с теми воздействиями, которые их вызывают.

Таким образом, элемент Маха мы истолковываем как внешнее воздействие, соединенное с его чувственной интерпретацией. Характер интерпретации определяется особенностями нашей чувственности и сознания, и в этом смысле она субъективна. Существо с иной организацией чувственности интерпретировало бы те же самые воздействия иначе, как, скажем, в летящем по небу облаке я вижу образ крокодила, а мой приятель, стоящий рядом, – клюв орла. Однако сейчас нам важно под-

⁸ Меркулов И.П. Указ. соч. С. 140.

черкнуть то обстоятельство, что с интерпретацией всегда соединен некий внешний компонент – воздействие на нас внешнего мира, и это воздействие от нас не зависит. В процессе восприятия внешнего мира мы создаем некоторые чувственные образы, но это не образы объективно существующих внешних предметов и присущих им свойств, а образы (интерпретации в виде образов) *воздействий* на нас внешнего мира. У нас пока нет оснований говорить о вещах и их воздействии на нас.

4. Новый фактор: язык

В создании чувственного образа (интерпретации) принимают участие не только внешнее воздействие и его переработка соответствующим органом чувств, но также воображение и память. Воображение дополняет чувственный образ известными связями, сторонами, которые в данный момент не воспринимаются. Например, глядя на три точки на листе бумаги, мы невольно соединяем их линиями и получаем образ треугольника. Память вносит в чувственный образ те черты, которые были присущи ему в иных ситуациях и при иных воздействиях. Скажем, когда сейчас я смотрю на кусок сахара, то непосредственно воспринимаю только одну из его сторон, но память дополняет этот образ плоской поверхности, придавая этому образу объем, твердость, остроту ребер, сладкий вкус и т.п. Поэтому я вижу не плоскую поверхность, а именно кубик сахара. «Получая тончайшие намеки на природу окружающих объектов, мы опознаем эти объекты и действуем, но не столько в соответствии с тем, что непосредственно ощущаем, сколько в согласии с тем, *о чем мы догадываемся*. Человек кладет книгу не на “темно-коричневое пятно”, он кладет ее на стол. Догадка преобразует темно-коричневое пятно, ощущаемое глазами, или твердый край, ощущаемый пальцами, в стол – нечто более значащее, чем любое пятно или край»⁹. Это похоже на ситуацию, когда вы входите в темную комнату и, натываясь в темноте на мебель, узнаете: вот это – стол, а это – шкаф и т.д. Память и воображение дополняют тактильные ощущения до полнокровных образов.

По-видимому, еще большую роль в построении чувственного образа играет язык. В конце XIX в. Мах еще не мог вполне оценить этой роли, однако так называемый лингвистический

⁹ Грегори Р. Указ. соч. С. 9–10.

поворот в философии XX в., логический анализ языка, развитие философии языка, исследования гештальт-психологов, психолингвистов показали, что в интерпретации внешних воздействий порой решающую роль играет используемый нами язык. Слово налагается на чувственное восприятие и часто определяет, какой именно образ мы получим.

Теперь мы можем дополнить анализ Маха и сказать, что элементы мира представляют собой сплав внешнего воздействия с его интерпретацией посредством органов чувств и языка, т.е. *элемент мира = внешнее воздействие + чувственная интерпретация + вербальная интерпретация*.

Это обращает нас к рассмотрению слова: почему оно может играть какую-то роль в формировании образов окружающего нас мира?

5. Смысл языковых выражений

В логико-семантическом анализе языка основной функцией языковых выражений считалась функция обозначения и слова рассматривались прежде всего как обозначения (имена) каких-то предметов или их классов. У Г. Фреге понятие смысла еще сохранялось, но уже Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап, А. Тарский от него фактически избавляются. На это обстоятельство обращает внимание известный швейцарский философ Г. Кюнг: «В то время как традиция в своей семантике различает три вида вещей: знаки, объективное значение и обозначаемое, – большинство современных логиков пользуется в отношении слов лишь двучленной семантикой, говорящей о знаках и о том, что ими отображается»¹⁰. Логическая семантика до сих пор интересуется языком только как средством обозначения объектов внешнего мира (предметной области)¹¹.

Но для нас с вами язык прежде всего служит средством коммуникации. Мы разговариваем, спорим, договариваемся или клянемся, и все это происходит с помощью языка. Действительно, в разговорах мы часто употребляем слова, обозначающие какие-то предметы. Но как мы узнаем, какой именно предмет обозначается тем или иным словом? Допустим, у нас есть две точки на бумаге, которые мы для себя обозначаем

¹⁰ Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка. М., 1999. С. 40.

¹¹ Подробнее об этом см. мою статью: Никифоров А.Л. Смысл языковых выражений и знание // Философия науки. 2010. Вып. 15.

именами А и В. Как сообщить собеседнику, какое из этих имен какую точку обозначает? Можно сделать это, указав пальцем: вот эту точку я называю А, а вот эту – В. Приблизительно таким способом мы узнаем имена людей при первом знакомстве: вот этого молодого небритого человека зовут Петя, это – Иван Петрович, а Сидор Гарпагонович – вон тот человек с бородой. Впоследствии, разговаривая об этих точках или об этих людях, употребляя в разговоре их имена, мы будем знать, к каким именно предметам относятся эти имена. Но ведь большую часть предметов, о которых мы говорим, нельзя предъявить собеседнику. Как, скажем, указать на Цезаря или Ричарда Львиное Сердце, на баобаб, который в наших лесах не растет, на Австралию, которую единым взглядом можно охватить только из космоса, или на Пегаса? Как сообщить собеседнику, какой предмет мы называем тем или иным именем, когда не можем указать на этот предмет?

И вот здесь-то обнаруживается решающая роль смысла! Именно смысл слова указывает на тот предмет, который этим словом обозначается. Поэтому для слов естественного языка смысл является их главной, первичной характеристикой. Только благодаря наличию смысла слова могут что-то обозначать, только благодаря наличию смысла мы можем говорить о предметах, явлениях, событиях, которых мы никогда не видели и, быть может, никогда не увидим. Если А есть точка пересечения прямых *a* и *b*, а В – точка пересечения прямых *c* и *d*, то, произнося «А», я буду иметь в виду «точка пересечения прямых *a* и *b*», и даже если я не указываю на нее пальцем, мой собеседник поймет, что я имею в виду. Данная характеристика точки и будет смыслом имени А. Смысл языкового выражения играет роль указания пальцем, поэтому *каждое языковое выражение* – если оно рассматривается как что-то обозначающее – *должно обладать смыслом*. Фреге в отличие от некоторых своих последователей это понимал. Однако смысл слова отнюдь не сводится к указанию на предметы.

Наш известный лингвист Ю.С. Степанов, рассматривая понятие смысла в естественном языке, истолковывает смысл как некий *концепт*. В широком, культурологическом истолковании «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека»¹². Спускаясь с высот культуры к языку, Степанов приходит к отождествлению концептов со смыслом языковых выражений. «Говоря проще, – пишет он, – *значение слова это*

¹² Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001. С. 43.

тот предмет или те предметы, к которым это слово правильно, в соответствии с нормами данного языка применимо, а концепт это смысл слова. Приведем пример. В русском языке слово *петух* имеет “значение” и “смысл”. Его “значение” – это все птицы определенного внешнего вида (которому соответствует их зоологическая характеристика): ходячая (не летающая) птица, самец, с красным гребнем на голове и шпорами на ногах. Значение иначе называется “денотатом”. “Смыслом” же слова *петух* будет нечто иное (хотя, разумеется, находящееся в соответствии со “значением”): а) домашняя птица, б) самец кур, в) птица, поющая определенным образом и своим пением отмечающая время суток, г) птица, названная по своему особому пению: *петух* от глагола *петь*...; вещая птица, с которой связано много поверий и обрядов»¹³.

Итак, «значение» слова – это обозначаемый словом предмет или класс предметов, а «смысл» слова – это все те черты, особенности предметов, которые мы имеем в виду, говоря о них. Обращаясь к примеру Степанова, мы можем сказать, что значением слова «петух» будет множество предметов, к которым мы относим это слово, а его смыслом – все те черты петухов, которые перечисляет Степанов: птица, ходячая птица, самец кур, с красным гребнем на голове и шпорами на ногах, домашняя птица и т.д. Когда логическая семантика говорила о смысле языковых выражений, то смысл ее интересовал только как способ указания на обозначаемые объекты. Для этого достаточно одной-двух особенностей этих объектов. Как указать на петухов? Для этого можно просто сказать: петух – это самец кур. Одной этой черты нам вполне хватит, чтобы выделить класс петухов из множества всех иных объектов. Но мы видим, что смысл слова «петух» содержит в себе гораздо больше. Как выделить класс людей? Для этого мы могли бы ограничиться лишь двумя особенностями: человек – это животное с мягкой мочкой уха. Но разве, говоря о человеке, мы имеем в виду только это? Нет, смысл наших слов содержит гораздо больше того, что требуется для простого указания на обозначаемые предметы.

Следуя Степанову, мы можем говорить о сложной структуре смысла языковых выражений. Во-первых, важнейшую часть смысла образует наше *знание* об обозначаемых объектах. Знание о петухах выражено в их зоологических характеристиках, знание о человеке дает антропология: животное, обладающее разумом, членораздельной речью, способное к

¹³ Степанов Ю.С. Указ. соч. С. 45.

орудийной деятельности, возникшее в результате длительного периода эволюции и т.д. То обстоятельство, что в смысле наших слов воплощаются наши знания о предметах и явлениях окружающего мира, находит очевидное выражение в существовании энциклопедий, словарей различных наук, учебников и т.п.

Наряду со знаниями в смысл наших слов включены также разнообразные культурные коннотации и ассоциации, то символическое значение, которое та или иная культура придает предметам и явлениям. В частности, в смысл слова «петух» помимо его зоологических характеристик наша культура включает также то, что пение петуха возвещает наступление рассвета, прогоняет темные силы (вспомните «Мастера и Маргариту» М. Булгакова!), что петух выступает в качестве символа горделивости и драчливости и т.п. Иногда смысл слова почти целиком состоит из символических ассоциаций. Например, в смысле слова «хлеб» знание занимает весьма небольшое место: хлеб – это пищевой продукт, выпекаемый из муки. Но в нашей культуре хлеб служит символом всякой пищи вообще, хлеб как пища для тела противопоставляется духовной пище («не хлебом единым жив человек»), хлеб служит выражением гостеприимства (хлеб да соль), иногда выражает угрозу («посажу вас на хлеб и на воду!») и т.д.

Наконец, в процессе речевого общения каждый человек добавляет к смыслу употребляемых им слов еще свой «личный» смысл – личное отношение к обозначаемым вещам, их личную эмоциональную оценку. Скажем, произнося слово «форель», все мы подразумеваем приблизительно одно и то же, но в устах рыболова, ловившего эту самую форель, данное слово приобретает дополнительный смысловой оттенок.

6. Знание как часть смысла языковых выражений

Оставим в стороне культурные и личностные коннотации, ассоциации и, говоря о смысле, будем иметь в виду только воплощенное в нем знание.

Говоря о знании, философия имела в виду прежде всего предложения и системы предложений, и хотя философы науки порой говорили об изменении значения научных терминов, мало кто обращал внимание на то, что знание воплощается не только в предложениях, но также и в научных терминах. Одна-

ко совершенно очевидно, что знание представлено и в научных понятиях – в понятиях, скажем, электрического заряда, теплопроводности, химического элемента, биологического вида, в единицах измерений и т.п. Изучая какую-то научную дисциплину, студент усваивает знания, воплощенные в ее специальной терминологии. Это кажется достаточно очевидным, но нужно показать, каким образом формируется содержание, смысл наших языковых выражений, в частности научных терминов.

В самом общем виде можно сказать, что после того, как некоторое предложение признано истинным, выражаемое им знание конденсируется, «оседает» в смысле входящих в него слов. Вот, например, видим мы перед собой россыпь драгоценных, полудрагоценных и вовсе не драгоценных камней. Мы замечаем среди них особенно яркие камешки и называем их, скажем, «алмазами». Первоначально это слово выступает просто как ярлык, как бессодержательная метка, которую мы присваиваем некоторым камешкам. Единственная особенность, на которую мы ориентируемся, выделяя алмазы из лежащей перед нами россыпи, – это бросающийся в глаза блеск. Осознание этой способности ярко блестеть и является тем смыслом, который мы вкладываем в слово «алмаз» и который – приблизительно и неточно – позволяет нам задать «денотат» этого слова. Затем мы узнаем, что по твердости алмаз превосходит все другие минералы. Это знание включается в смысл слова «алмаз». Теперь, называя какой-то минерал «алмазом», мы уже имеем в виду не просто что это блестящий камешек, но что это самый твердый из всех камешков, лежащих перед нами. В дальнейшем, изучая и используя алмазы и другие минералы, мы узнаем, что это кристаллическая модификация углерода, что это полупроводник электричества, что алмазы находят в кимберлитовых трубках, их можно использовать в качестве абразивного материала и т.д. Все это знание конденсируется в слове «алмаз». Сейчас, называя какой-то камень алмазом, мы не просто навешиваем на него бессодержательный ярлык, а подразумеваем все то, что ныне нам известно об алмазах.

Приблизительно так же обстоит дело и в науке. Например, считается, что понятие химического элемента ввел Роберт Бойль в 1661 г. Действительно, он дал первое определение этого понятия: «Я теперь подразумеваю под элементами... некоторые первоначальные и простые или совершенно не смешанные тела, которые, не будучи образованы из каких-либо других тел или друг из друга, являются ингредиент-

тами, из которых непосредственно составляются все так называемые смешанные тела и на которые эти тела в конечном счете распадаются»¹⁴. Правда, сам он в существование химических элементов не верил и полагал, что все тела состоят из однородных атомов. Это определение он ввел с целью критики химических представлений своего времени. Однако с дальнейшим развитием химии было доказано существование химических элементов, и это понятие обрело богатый смысл с развитием наших знаний о химических элементах.

В сущности, вся история науки показывает, что с ростом научных знаний в тех или иных областях растет, углубляется, уточняется смысл научных терминов. Это кажется настолько очевидным, что не нуждается в примерах и иллюстрациях. Это даже тривиально. Гораздо интереснее и сложнее другой вопрос: как происходит обогащение смысла научных терминов и слов повседневного языка? Как «оседает» в них полученное знание?

Будем исходить из достаточно распространенного представления о том, что знание выражается в обоснованных предложениях, которые считаются истинными. Сначала мы обосновываем некоторое предложение: «Страусы не летают», «Свет оказывает давление на освещаемые тела», «Все планеты движутся по эллипсу вокруг Солнца», «Атомный вес железа равен 56», «Сила взаимодействия двух неподвижных точечных зарядов пропорциональна их величине и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними» (закон Кулона) и т.д. Эти предложения выражают знание. Но после того как знание получено и признано, оно включается в смысл слов, из которых состоят эти предложения: когда я произношу слово «страус», я подразумеваю именно нелетающую птицу; когда я произношу слово «планета», я подразумеваю именно тело, движущееся по эллипсу вокруг Солнца.

Здесь, правда, мы сталкиваемся с серьезным затруднением, которое до сих пор не преодолено: далеко не каждое предложение влияет на смысл входящих в него слов (терминов), поэтому мы должны указать, какие предложения вносят знание в смысл входящих в них слов, а какие – нет. Ясно, что когда мы произносим предложения вида «Сократ сидит», «Петр небрит» или «Катя болеет», то даже если эти предложения истинны и у нас есть основания считать их истинными, мы вовсе не включаем признаки «сидеть», «быть небритым» или

¹⁴ Цит. по: Всеобщая история химии. Становление химии как науки / Г.В. Быков, Ю.А. Жданов, Б.М. Кедров и др. М., 1983. С. 51.

«болеть» в смысл слов «Сократ», «Петр» или «Катя». А вот когда мы констатируем: «Сократ философ», «Петр мужчина» или «Катя женщина», это оказывает влияние на смысл используемых имен. Здесь мы сталкиваемся с известной проблемой отличия существенных признаков предметов от несущественных или случайно истинных предложений от предложений, выражающих законы природы. Как известно, обе эти проблемы не имеют какого-то общепризнанного решения и, возможно, вообще неразрешимы в абсолютном смысле. Нам здесь придется удовлетвориться простым соглашением: закон природы выражается общим предложением, включенным в признанную научную теорию или являющимся следствием такой теории. Скажем, предложения «Железо тонет в воде» и «Дерево плавает» мы можем вывести из теоретических соображений об удельном весе железа, воды, дерева и гидростатики. Поэтому они носят, как говорят, «законоподобный» характер и оказывают влияние на смысл входящих в них слов. В дальнейшем мы будем иметь в виду только такие предложения.

Смысл слова (термина) в самом общем виде можно определить как совокупность всех истинных законоподобных предложений, в которые оно входит. Но это выражается точнее. Как известно, Фреге разлагал простые предложения на аргумент и функцию, причем функция представлена предикатным выражением, содержащим пустое место: «зеленый (x)», «лошадь (x)». При подстановке на пустое место обозначения некоторого объекта (объектов) функция превращается в истинное или ложное предложение: «Лист березы зеленый», «Холстомер лошадь». Отталкиваясь от совокупности истинных предложений, в которые слово входит в качестве аргумента, мы можем сказать, что *смысл слова есть множество функций, которые превращаются в истинные законоподобные предложения при подстановке этого слова на место аргумента*. Когда речь идет о науке, это можно выразить несколько иначе: смысл научного термина есть множество законов теории, в которые он входит. Скажем, уравнения Максвелла и их следствия задают смысл терминов, входящих в эти уравнения.

7. Конструктивная функция языка

Мы подошли к ответу на поставленный в самом начале вопрос: что собой представляет окружающий мир? Мы начали с того, что он состоит из предметов. Вслед за Махом мы разло-

жили предметы нашего мира на элементы, представляющие собой единство внешнего воздействия и его интерпретации посредством органов чувств и языка. Соединяя с чувственным восприятием слово, мы придаем этому образу общий характер и вкладываем в него смысл – тот смысл, носителем которого является слово. Так формируется образ предмета в нашем сознании. В соответствии с грамматическими категориями языка – существительными, прилагательными, глаголами – мы интерпретируем внешние воздействия, создавая образы предметов, свойств, процессов, отношений и т.п. Чаще всего именно слово оказывает решающее воздействие на то, что именно мы видим. В связи с этим можно вспомнить детские головоломки, когда в хаосе переплетенных линий нам предлагают увидеть какой-то рисунок. Пока не сказано, что именно нужно увидеть, чрезвычайно трудно выделить из этого клубка переплетенных линий образ предмета. Но когда нам говорят, что здесь изображен охотник с собакой или сидящая на дереве птица, мы быстро обнаруживаем искомый предмет. Об этом же свидетельствуют так называемые переворачивающиеся изображения: утка – кролик, ваза – два профиля, фигура Маха и т.п. В этих изображениях мы можем видеть то утку, то кролика, то молодую девушку, то безобразную старуху, то корешок книги, то ее разворот – в зависимости от того, какое слово мы соединяем с чувственным восприятием, в зависимости от того, что мы *хотим* увидеть. Приблизительно так же обстоит дело и в повседневной жизни: соединяя с темно-коричневым пятном слово «стол», я придаю этому пятну смысл «быть твердым устойчивым предметом, элементом мебели, выполняющим определенные функции» и т.д. Именно благодаря языку мы интерпретируем внешние воздействия как столы, стулья, деревья, дома и т.д.

Теперь мы можем объяснить, почему окружающие нас явления, события, предметы *осмысленны*. Когда я, перевалив через гору, вижу спускающиеся к ее подножию разноцветные пятна среди зелени, какую-то желтую полосу, что-то сверкающее вдали, я понимаю, что это крыши домов, в которых живут люди, и желтый песок, который тянется вдоль берега моря, – приморский городок, в котором можно отдохнуть и подкрепиться. С помощью слов я вкладываю смысл в эти разноцветные пятна и создаю предметный мир. Я стою перед текущей водой и произношу: «Это река». Тем самым я конструирую объект, который существует вне меня, имеет исток и во что-то впадает, в котором может водиться рыба и можно искупаться. Слово конструирует объект, интерпретируя чувственные впечатления опреде-

ленным образом, объективирует его, придавая ему статус самостоятельного независимого от нас объекта, обладающего определенными свойствами. А здравому смыслу представляется, что слово служит лишь для обозначения уже каким-то образом существующего объекта. Конечно, слово что-то обозначает, но это – лишь вторичная, производная его функция: оно сначала конструирует, а потом используется для обозначения сконструированного с его помощью объекта.

Выше мы пытались показать, что знание входит в смысл наших слов (терминов). Но если именно слово с его смыслом конструирует предметы из чувственных восприятий внешних воздействий, то отсюда следует, что в создаваемый нами образ предмета включается наше знание. Именно знание оказывается главным средством построения объектов внешнего мира. *Предмет есть результат интерпретации воздействий внешнего мира с помощью органов чувств и знания, воплощенного в смысле языковых выражений.* Эта интерпретация вносит смысл в чувственный образ, поэтому окружающие нас предметы осмысленны.

Предполагать, будто вне и независимо от нас существуют предметы с многообразными – известными и неизвестными нам – свойствами, а наше знание лишь с той или иной степенью полноты и точности отображает или описывает эти предметы, по-детски наивно. Мы имеем дело лишь с многообразными воздействиями на нас внешнего мира. Интерпретируя эти воздействия посредством нашей чувственности и знания, мы конструируем предметы. Эти предметы не принадлежат к внешнему миру, но они и не являются целиком созданиями нашей чувственности и знания. Напрасно Маха обвиняли в субъективном идеализме. В предметах содержится объективный, независимый от субъекта компонент – внешнее воздействие, которое ставит границы возможным интерпретациям. Скажем, в переплетении линий один человек видит молодую прелестную девушку, другой – безобразную старуху. Они конструируют образы разных предметов. Однако вещественная (объективная) основа у этих образов общая – одно и то же переплетение линий. И эта основа ограничивает разброс интерпретаций и возможности конструирования разных предметов. Вы сможете сконструировать девушку, старуху, может быть, что-то еще, но нельзя увидеть в этих линиях *зеленый* лист или *красную* розу. Для этого нет необходимого внешнего воздействия.

Здесь естественным образом возникает недоумение и на язык просится возражение. Если мы сами конструируем объ-

екты внешнего мира, если наши знания выступают в качестве инструментов такого конструирования, то что же мы познаем – то, что сами создали? Не лишается ли при этом смысла сам процесс познания? Это недоумение легко рассеивается указанием на то, что объекты, которые мы создаем в процессе интерпретации внешних воздействий, могут обладать свойствами и особенностями, о которых мы и не подозревали первоначально. К тому же, как мы уже неоднократно отмечали, они содержат независимый от нас компонент – внешнее воздействие, которое может сопротивляться нашим последующим интерпретациям. Избитыми примерами объектов, которые заведомо являются нашим собственным созданием, но которые мы изучаем вот уже на протяжении нескольких тысячелетий и открываем все новые их свойства, являются натуральные числа и геометрические фигуры. Что же тогда говорить о «физических» объектах! Возможно, здесь стоит вспомнить широко известные рассуждения К. Поппера о «третьем мире» объективного знания: несмотря на то что этот мир создан нами, он содержит в себе свойства и связи, которые могут быть нам неизвестны, он порождает проблемы, о которых мы не думали.

Вот достаточно наглядный пример. В феврале 1865 г. на заседании Брюннского общества естествоиспытателей выступил с докладом «Опыты над растительными гибридами» монах Грегор Иоганн Мендель из монастыря Св. Томаша. Рассказывая о своих опытах над гибридами гороха, он ввел понятие наследственного задатка (Anlage), разделил все задатки на доминантные и рецессивные и сформулировал то, что впоследствии стали называть законами наследственности. Ясно, что он не видел никаких задатков и ничего не мог сказать о том, что они собой представляют. Он ввел это понятие и соответствующие объекты, опираясь на чисто теоретические соображения: единообразие и расщепление гибридов легко можно было объяснить, если предположить, что за каждый наблюдаемый признак растения отвечает какой-то задаток, передаваемый по наследству. Но дальше началось изучение этих объектов, сконструированных Менделем. В 1903 г. датчанин В. Иогансен вводит понятие «ген» для обозначения менделевских наследственных задатков, а также разделяет генотип и фенотип. Возникла новая наука – генетика. Т.Х. Морган соединил хромосомную теорию наследственности с генетикой и доказал, что гены представляют собой кольцеобразные участки хромосом. Затем обнаружили, что хромосома содержит ДНК, что она закручена в спираль и т.д. Вся эта история хорошо показывает,

как введенное нами новое понятие (термин), которое мы используем для обозначения (вернее, конструирования) предполагаемого объекта, постепенно наполняется смыслом по мере того, как мы что-то узнаем об этом объекте, как полученные знания позволяют нам строить новые исследовательские процедуры для дальнейшего продвижения в познании этого объекта. История с геном весьма похожа на историю с химическим элементом. И эти истории повторяются во всех науках и в нашей повседневной жизни.

8. Картины мира

Интерпретируя внешние воздействия с помощью органов чувств и знания, воплощенного в языке, мы конструируем образы предметов, их свойств, отношений между ними, процессов и получаем некую картину мира – ту картину, с описания которой Мах и Грегори начинают свои рассуждения. Ее можно назвать картиной мира повседневного языка или здравого смысла. Это тот мир, в котором мы живем, который сформирован внешними воздействиями, нашей чувственностью и обыденным языком. Известный американский психолог Дж. Гибсон называет этот мир «окружающим миром» и полагает, что не только человек, но каждый биологический вид живет в своем «окружающем мире»: «Животные и человек воспринимают окружающий их мир. Окружающий мир отличается от мира физического, т.е. от того мира, каким его описывают физики. Наблюдатель и его окружающий мир взаимно дополняют друг друга. В таком же отношении (взаимодополнительности) со своим общим окружающим миром находится и совокупность наблюдателей»¹⁵. Эта «дополнительность» обусловлена тем, что человек и другие животные с помощью своей чувственности интерпретируют внешние воздействия в тех специфических образах, которые и наполняют мир их существования.

К этому миру здравого смысла конкретные науки добавляют свои онтологические картины. Каждая наука создает свою онтологию, свою «картину мира». «Наиболее изученным образцом картины исследуемой реальности, – пишет в связи с этим В.С. Степин, – является физическая картина мира. Но подобные картины есть в любой науке, как только она конституируется в качестве самостоятельной отрасли научного знания. Обобщенная характеристика предмета исследования

¹⁵ Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988. С. 42.

вводится в картину реальности посредством представлений: 1) о фундаментальных объектах, из которых полагаются построенными все другие объекты, изучаемые соответствующей наукой; 2) о типологии изучаемых объектов; 3) об общих закономерностях их взаимодействия; 4) о пространственно-временной структуре реальности. Все эти представления могут быть описаны в системе онтологических принципов, посредством которых эксплицируется картина исследуемой реальности и которые выступают как основание научных теорий соответствующей дисциплины. Например, принципы: мир состоит из неделимых корпускул; их взаимодействие осуществляется как мгновенная передача сил по прямой; корпускулы и образованные из них тела перемещаются в абсолютном пространстве с течением абсолютного времени – описывают картину физического мира, сложившуюся во второй половине XVII века и получившую впоследствии название механистической картины мира»¹⁶. Затем, как известно, механистическая картина мира сменилась электродинамической с неделимыми атомами, электронами (атомами электричества), мировым эфиром и принципом близкодействия в качестве фундаментальных объектов. В первой половине XX в. электродинамическая картина сменилась квантово-релятивистской, отбросившей принцип неделимости атомов, понятия абсолютного пространства и времени и однозначную детерминацию физических процессов.

Приблизительно так же обстоит дело в химии, биологии и даже в социологии. Биология вводит понятия живой клетки, мейоза и митоза, хромосомы и гена, биологического вида, популяции, биоценоза и т.п. Чаще всего фундаментальные объекты онтологической картины той или иной науки рассматриваются как идеальные объекты, в реальности в чистом виде не существующие. Однако ученый в реальных эмпирических вещах и явлениях видит именно идеальные объекты своей науки и отношения между ними. Иначе говоря, с помощью своих теоретических понятий, относящихся к идеальным сущностям, ученый конструирует реальные объекты своего исследования, задавая определенную интерпретацию внешних воздействий.

Нам в данном случае может быть интересно то, что к картине мира здравого смысла наука добавляет свои онтологические представления, порой дополняющие, порой корректирующие, а порой и прямо противоречащие онтологии здравого смысла. Скажем, здравый смысл говорит мне, что Земля плоская и антиподов не существует. География утверждает и

¹⁶ Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 219.

доказывает, что Земля представляет собой шар и в Южном полушарии люди живут точно так же, как в Северном. В повседневном мире все движущиеся тела когда-нибудь останавливаются, если прекращается воздействие на них силы. Механика же говорит нам, что возможно движение и без приложения силы – по инерции (первый закон Ньютона). У нас нет органов для восприятия магнитного поля, но физика говорит о его существовании и о магнитном поле Земли. Для меня Млечный Путь – туманная белая полоса, протянувшаяся через все ночное небо; астрономия же говорит мне, что это колоссальное скопление звезд, в которое входит и наше Солнце. Как возможно совмещение в сознании современного человека разных, часто несовместимых между собой картин мира? Мифологические и религиозные представления обычно лишь дополняли и объясняли картину мира здравого смысла и повседневного опыта, но наука часто вступает в прямое противоречие с ней. Как можно жить, совмещая в своем сознании несовместимые представления и идеи?

Ответ, который я могу предложить, выглядит, быть может, не слишком убедительным, но другого у меня пока нет. Конечно, взятое во всей полноте своего содержания сознание современного человека противоречиво. К счастью, человек никогда не использует в одной конкретной ситуации все содержание сознания. Для чего нам нужны какие-то картины мира? Для того чтобы ориентироваться в своем окружении, для того чтобы жить и действовать в нем. Но в каждый конкретный момент мы имеем дело с некоторой конкретной ситуацией и пользуемся той онтологией, которая нам кажется подходящей именно для этой ситуации. Когда я занят выращиванием цветов на своем дачном участке, я ориентируюсь на восходы и заходы Солнца, на смену времен года, мне известно, что с приближением осени дни будут становиться короче, а ночи – длиннее, и мне нет никакого дела до того, что Земля вращается вокруг своей оси и ось ее вращения наклонена к плоскости эклиптики. Однако когда мы запускаем ракету на Марс или Венеру, мы руководствуемся астрономической картиной мира. Точно так же, когда я разжигаю костер, мне нет никакого дела до того, что с точки зрения химии горение есть окислительный процесс. В каждой конкретной ситуации, в каждом конкретном виде деятельности человек руководствуется какой-то одной онтологической картиной, поэтому общая противоречивость сознания не мешает ему жить и действовать.